

Глава I

В отдельном кабинете лучшего петербургского ресторана стоял у окна молодой человек, видимо, в ожидании, стоял, однако, терпеливо, не выказывая никаких признаков досады.

Одет он был по последней моде того времени, как истинный щеголь. Его темно-синий фрак со светлыми плоскими бронзовыми пуговицами был отлично сшит, сидел на нем свободно, но вместе с тем нигде не давал складок и не морщил. Высокое батистовое жабо, обмотанное шелковым галстуком, подпирало ему шею. На светлом двубортном жилете из бокового кармана свешивалась коротенькая широкая часовая цепочка с брелоками. Серые брюки были почти в обтяжку и уходили в голенища лаковых вырезных сапог с шелковыми кисточками.

Стол в кабинете был накрыт на два прибора. На нем стояли фрукты в хрустальной вазе, дорогие вина и в серебряном ведре, во льду, виднелась приготовленная бутылка замороженного шампанского. Закуска, очень разнообразная, была подана отдельно.

Видно было, что молодой человек привык не только не стесняться в средствах, но и умел, что называется, тратить их с известной утонченностью, которая дается своего рода опытом, обыкновенно дорого оплачиваемым. Стоять у окна молодому человеку пришлось недолго. Тот, кого он ждал, вскоре явился.

Это тоже был молодой человек и тоже щегольски одетый по последней моде. Он поспешно вошел и, скидывая перчатки и кладя шляпу, сейчас же заговорил:

— Я опоздал, кажется? Прости, пожалуйста, но, право же, я думал, что успею вовремя...

— Нет, ты вовремя. Я приехал немного раньше нарочно, чтобы распорядиться обедом, — успокоил его ожидавший.

Они поздоровались.

Когда, выпив по рюмке водки и закусив, они сели за стол и им принесли суп в серебряной миске, приехавший позже огляделся по сторонам и, развертывая на коленях салфетку, спросил:

— Скажи, пожалуйста, что за фантазия привела нас сюда в ресторан?

Его собеседник улыбнулся:

— Тебе это кажется странным?

— Ну, конечно. Я понимаю, сюда можно приехать невзначай поужинать или позавтракать, можно, пожалуй, обедать, если дома нет ничего, но ты ведь не в таком положении: у тебя премилый особнячок на Фонтанке, свой повар, и вдруг ты почему-то хочешь кормить меня в ресторане, даже не в клубе, как будто мы не могли там пообедать в крайнем случае?

— Видишь ли, у меня есть на это причины.

— Вполне в этом уверен, но меня удивляет, какие они?

— Мне нужно поговорить с тобой наедине.

— Разве мы не могли это сделать у тебя дома?

— Не могли.

— К тебе приехал кто-нибудь?

— Нет!

— Случилось что-нибудь с поваром?

— Если хочешь — да, случилось...

— Жаль, хороший повар! Я любил обедать у тебя. Что же произошло?

— Произошло то, что ни этого повара, ни «особнячка на Фонтанке», как ты говоришь, у меня больше нет...

— Да не может быть! Ты себе покупаешь новый?

— Нет. Мне пришлось продать все, что у меня было, потому что ту жизнь, которую я вел до сих пор, мне поддерживать будет не по силам...

— Что же? Долги заели?

— Нет у меня долгов.

— Станный ты человек! Русский дворянин — и без долгов! Ты, право, единственный; я всегда говорил, что ты — единственный... Значит, проигрался в карты?

— Нет, дело не в картах.

— То-то! Для того чтобы тебе разориться от карт, нужен солидный проигрыш и о нем непременно говорили бы, а между тем я ничего не слыхал... Ведь судя по тому, как ты жил, у тебя было хорошее состояние.

— Состояния у меня никогда не было. Я получал тысячу рублей в месяц. Вот и все...

— Тысячу рублей в месяц! Это слишком хорошо на одного! Откуда ты их получал?..

— Как тебе сказать? Не знаю...

— Что за пустяки!.. Тысяча рублей в месяц — неизвестно откуда! И это что-то не совсем правдоподобное.

— А между тем это так. Я получал до сих пор по тысяче в месяц, а теперь ничего получать не буду.

— Неприятная перемена — надо правду сказать!.. Но раз ты заговорил со мною о своих делах, рассказывай подробности — они слишком интересны...

— Для этого я и позвал тебя сюда обедать. Видишь ли, мы до сих пор были друзьями и, надеюсь, ими останемся. Так вот слушай. Кроме тебя, у меня никого близкого нет. Я никогда не знал ни отца, ни матери, ни сестры или даже дальних родственников. И ни с кем в жизни, кроме тебя, не сходил. Знаю я почти весь Петербург, но друг — один ты мне...

— Все это прекрасно! Но ведь ты же дворянин и знаешь свое происхождение.

— Да, я дворянин по паспорту и значусь Александром Николаевичем Николаевым... Николаевых слишком много... Родословную свою я никак не мог установить, да и не только родословную, но и ни у кого не мог допытаться, кто же мой отец и мать.

— Ты говорил, что они умерли, когда ты был ребенком.

— Я говорил так, чтобы избежать дальнейших расспросов. На самом же деле я не знаю, умерли они или нет, где они и кто они.

— Разве у тебя нет метрического свидетельства?

— Нет. У меня только паспорт, выданный нашим посольством в Париже. Детство свое я провел там, там же и воспитывался.

— Хорошо, но ведь кто-то должен был воспитывать тебя?

— Меня воспитал старик, которого я звал по имени и отчеству — Иваном Михайловичем.

— Но у него была фамилия?

— В Париже он жил под фамилией Люсли, но я не убежден, что она подлинная.

— Странно! А где этот старик?

— Он умер и умер скоропостижно, от удара. Однако он словно предчувствовал свою смерть. Он призвал меня к себе и передал мне пакет с тем, что если что случится с ним, то я должен этот пакет распечатать и поступать сообразно данным там мне указаниям. Я знаю, что через неделю он умер.

— И ты распечатал пакет?

— В нем были паспорт, чек на двадцать тысяч франков и письмо. В письме мне было сказано, что я должен оставить Париж, отправиться в Петербург и устроиться там на эти двадцать тысяч франков и что затем я буду получать ежемесячно по тысяче рублей через банкирскую контору... Все так и было. Как оно ни кажется тебе странным — мне все это представлялось совершенно естественным и казалось, что так и будет всегда продолжаться. Однако в прошлом месяце управляющий сказал мне, что выдает деньги в последний раз и что больше я получать их не буду. Обстоятельства изменились. Я почему-то лишился выдачи и никаких других объяснений мне дано не было. Как я его ни расспрашивал — ничего не смог от него добиться.

— Что же ты теперь намерен делать?

— Не знаю. Поступлю на службу, буду жить на жалование. Я успел составить кое-какие знакомства, авось помогут. Вообще надо будет предпринять что-нибудь.

— Да. Но тебе тяжело покажется так круто изменить свою жизнь... Ты привык к известной обстановке, к известному обществу.

— Я надеюсь, что общество, в котором я был принят, не отвернется от меня только потому, что я обеднел. Дурного я ведь ничего не сделал!

— Ну зачем такие слова: «отвернется» и прочее. Дело в тебе самом. Тебе самому трудно будет бывать там, где ты бывал до сих пор. С маленькими средствами поддерживать такие знакомства

совершенно невозможно. Ну так возьми вот; ведь мы с тобой друзья.

— Я думаю, что друзья.

— И я тебя очень люблю. А между тем, как ты думаешь, мыслимы ли будут прежние отношения между нами?

— Отчего же нет? Я не понимаю...

— Как же ты не понимаешь?! Это так просто. На твое грошовое жалование, которое ты рассчитываешь получать, дай Бог тебе просуществовать так, чтобы иметь самое необходимое — прямо скажу, чтобы не умереть с голоду. Не могу же я, однако, только потому, что у тебя не будет средств, бросить свои привычки? Я буду по-прежнему выезжать и бывать в театрах, и обедать, и ужинать в холостой компании... На это у тебя денег не будет, и ты волей-неволей отстанешь от меня. Конечно, это ужасно, мне тебя жаль от всей души, но таковы обстоятельства. Говорю я это потому, что считаю тебя умным человеком и другом, именно, говорю как другу...

— Постой, как же это так? Ты считаешь меня своим другом, а между тем хочешь разойтись со мной...

— Да я не хочу разойтись. Пойми ты! Напротив, мне будет недоставать тебя в нашей компании, но что делать, если ты должен выйти из нее не имея средств? Согласись, я не виноват в этом! Ведь не могу же я платить за тебя! У меня нет такого состояния, да и ты сам, наверное, не пожелаешь...

— И это — твое последнее слово?

— Да не мое, это — слово благоразумия. Ведь мы не дети, чтобы относиться к таким серьезным вещам легкомысленно. Надо понимать, мой друг...

— Я понимаю, — проговорил вдруг с внезапно изменившимся, побледневшим лицом разоренный, обездоленный судьбой Николаев. — Я понимаю, что вы, граф Савищев, которого я до сих пор считал своим другом, не стоили этого, потому что вы — мелкий и жалкий человек. Лучше всего оставьте меня и уйдите...

Он встал и, вытянув руку, указал на дверь...

Граф Савищев вскочил со своего места. В первую минуту он вспыхнул весь, но сейчас же сдержал себя, улыбнулся, пожал плечами и пробормотал, как будто про себя:

— Ну вот как люди меняются в новом положении! Достаточно было лишиться средств, чтобы начать ругаться совсем по-мещански...

Он быстро схватил свою шляпу и вышел из комнаты, ничего не сказав на прощанье.

Глава II

Время, в которое жил Александр Николаевич Николаев, или, как звали его в приятельском кругу, просто Саша Николаич, было временем чувствительных стихов, томных взглядов, беззаветной веры в идеалы любви и дружбы, в сродство душ; временем альбомов, храмов в парках, разбитых урн под плакучими березами, сувениров, медальонов с хитро сплетенными, таинственными литерами из волос — словом, всех атрибутов господствовавшего тогда сентиментализма.

Александр Николаевич, может быть, в силу своего до некоторой степени исключительного положения был одним из самых восторженных.

Судьба сложилась для него так, что само его существование представлялось романтическим. Разумеется, это не могло не повлиять на него, и он, с одной стороны, был разочарован вообще, а, с другой, верил, что на свете есть душа, которая тоскует по его душе и которую он должен найти, и есть идеальный человек, способный для него на самоотверженную, беззаветную дружбу.

Тоскующей души он еще не нашел, хотя приглядывался ко многим девушкам, что же касается дружбы, то в этом отношении он был уверен, что обрел то, что искал, в лице графа Савищева.

Поэтому понятно, что должен был испытать Саша Николаич, когда сообщил графу о происшедшей перемене в своих денежных делах, а тот вовсе не оказался на высоте своего положения. Понятен так же и тот повышенный, выпененный тон, с которым Саша Николаич прогнал Савищева, театральным жестом указав ему на дверь.

Когда граф вышел, Саша Николаич, оставшись один, опустил голову и закрыл лицо руками.

Тяжелые минуты переживал он. В самом деле, лучший друг изменил ему именно тогда, когда была нужна его поддержка.

Николаев не сознавал, разумеется, что в действительности граф Савищев был обыкновенный смертный, самый заурядный и что он сам, Саша Николаич, в своем воображении наделил его какими-то особенными качествами.

Как бы то ни было однако, разочарование оказалось болезненным и заставляло страдать неподдельной скорбью.

— О Господи! — вздохнул Саша Николаич, но тотчас же поднял голову и отнял руки от лица. Ему почудилось, что кто-то вошел.

Он не ошибся. Перед ним стоял некий господин, совершенно ему незнакомый.

Внешность этого господина, хотя и вполне приличная, даже изысканная, все-таки с первого взгляда не внушала симпатии. Особенно неприятными казались его угловатые, как будто заостренные уши, рыжие волосы с начесанным коком и зеленовато-серые глаза. Его одеяние: манишка, жабо, галстук — было безукоризненным.

— Что вам угодно? — спросил удивленный Саша Николаич, видя, что незнакомец не выказывает желаний уходить как человек, ошибшийся дверью, а, наоборот, продолжает смотреть на него с явным намерением вступить в разговор.

— Я хотел бы поговорить с вами, — заявил незнакомец и, не ожидая приглашения, без церемоний подошел к столу и сел. — Я потому, — пояснил он, — решаюсь беседовать с вами, что мой разговор будет вам полезен и, может быть, выведет вас из того затруднительного положения, в котором вы теперь находитесь. Потерять тысячу рублей ежемесячного дохода и очутиться внезапно ни с чем — штука плохая.

— Откуда вы знаете это, и кто вы такой? — опять удивился Саша Николаич, широко открытыми глазами глядя на незнакомца.

— Видите ли, — заговорил тот, — я мог бы сейчас сочинить какую-нибудь историю, более или менее сложную, дока-

зывающую мое всеведение, или что-нибудь в этом роде. Дело тут очень простое. Я сидел рядом и слышал весь разговор с бывшим вашим другом. Там слышно каждое слово...

Он показал на запертую дверь, соединявшую кабинет, где они сидели, с соседним.

— Так что же вы, собственно, хотите? — продолжал недоумевать Саша Николаич.

— Помочь вам и больше ничего.

— Помочь мне? В каком это смысле?

— В самом непосредственном. Если мы сойдемся с вами — вы будете так же получать тысячу рублей в месяц как и до сих пор.

— От кого?

— Не все ли вам равно?

— Однако...

— Да ведь получали же вы до сих пор деньги неизвестно откуда?

— Но это меня ни к чему не обязывало. А вы говорите, что я должен в чем-то «сойтись с вами».

— Да, разумеется, это необходимо. С вашей стороны потребуется исполнение некоторых условий...

— Каких же?

— Не очень замысловатых: слушаться меня и беспрекословно исполнять мои требования...

— Что за вздор! — усмехнулся Саша Николаич. — Вы, вероятно, выпили лишнее и говорите пустяки.

Незнакомец усмехнулся и переспросил:

— Отчего же пустяки?

— Да ведь как же! Вы хотите, чтобы я исполнял ваши требования и слушался вас, когда я даже понятия не имею, кто вы такой и откуда вы.

— Но это не даром, Александр Николаич... Ведь тысяча рублей в месяц!

— Вы знаете мое имя? — невольно воскликнул Александр Николаич.

— И фамилию тоже, — подтвердил незнакомец. — Вы — Александр Николаевич Николаев. Я вас встречал и раньше,

только нам до сих пор познакомиться не пришлось... Так ведь тысяча рублей в месяц!.. Подумайте!

— Да и думать нечего! — решительно сказал Саша Николаич. — Оставьте меня в покое! Ни на какие сделки из-за ваших денег я не пойду!..

— Я ожидал этого, — словно обрадовался незнакомец, — иначе с первого раза вы ответить и не могли...

— Тогда зачем вы начали этот бесполезный разговор, если заранее знали мой ответ?

— Я знаю, что с вами случится в более или менее отдаленном будущем.

— И что же?

— Вы придете ко мне и будете более сговорчивым, чем теперь.

— Послушайте, это дерзость!

— Нисколько. И опять-таки вовсе не предвидение или всеведение, а простой расчет. На всякий случай я вам оставляю свою карточку, тут написан мой адрес.

— Да уйдите вы от меня! — не выдержал Саша, наконец. — Оставьте меня в покое, мне, право, не до вас теперь и не до ваших расчетов!

Наглая, упорная назойливость этого господина взбесила его.

Незнакомец не настаивал больше. Он вынул карточку, положил ее на стол и выскользнул из комнаты, словно его тут и не было.

Саша Николаич встал и дернул за сонетку, чтобы позвать лакея. Когда тот явился, он заплатил ему по счету и, не взглянув даже на лежащую на столе карточку незнакомца, ушел из ресторана.

Глава III

Весть о случившемся с Николаевым крутом изменении денежных обстоятельств разнеслась быстро, так что в тот же день вечером, заглянув в клуб, он там увидел совершенно иное отношение к себе.

Молодые люди, его недавние приятели, не встретили его по обыкновению радостными восклицаниями, а держались с ним как-то конфузливо, разговаривали отрывками и звали его полностью по имени и отчеству, а не просто Саша Николаич как прежде. Старики, то есть более почтенные и важные члены клуба, те и вовсе не замечали его или же только кивали головой, не подавая ему руки. Среди всех этих людей не нашлось ни одного, который отнесся бы к нему сочувственно.

Главной причиной тут было вовсе не то, что Николаев лишился средств, — это имело лишь косвенное посредствующее влияние.

От Александра Николаевича отвернулись потому, что он был без роду и племени, а держал себя в обществе словно имел видную родню, не замечал, что ему теперь нужно быть потише, имея одних знакомых, а родственников — никого, и что скрывал от них это раньше. Теперь же это всплыло.

Поусердствовал, разумеется, оскорбленный Сашей Николаичем граф Савищев. После сцены в ресторане он направился прямо в клуб, чтобы спросить себе там обед, потому что еда с Сашей Николаичем для него была прервана в самом начале и насытиться он не успел. Здесь, в клубе, Савищев сейчас же стал рассказывать, что известный всем Николаев на самом деле просто-напросто авантюрист, с которым нужно быть осторожным, он рассказывает историю о каких-то якобы тысячах рублей, получавшихся им неизвестно откуда, а теперь будто бы отнятых у него, но это едва ли вероятно. Вернее же, он просто добывал свои средства темными делами, а теперь боится попасться и потому бросает прежние занятия, уверяя, что разорился. Во всяком случае, факт тот, что этот неизвестно откуда взявшийся человек — нищий и водиться с ним надо с осторожностью.

Граф Савищев также говорил обо всем убедительно, и его словам было больше веры потому, что именно он до сих пор был ближе всех к Николаеву.

Новость явилась очень интересной, стала быстро передаваться, и все говорили только о ней.

- Вы слышали, Николаев-то...
- Какой Николаев?
- Да этот, Саша Николаич...
- А, Саша Николаич! И что же он?
- Да оказался авантюристом, чуть ли не шулером...
- Не может быть!
- Да вот граф Савищев рассказывает, подите к нему...

И шли к графу Савищеву, и тот снова рассказывает и, повторяет свои доводы, злобствуя на прежнего «друга».

Пущенное вовремя словцо «авантюрист» тоже сделало свое дело, окончательно и сразу испортив репутацию Саши Николаича.

Словом, когда он поздно вечером заглянул в клуб, там уже все были восстановлены против него, и ему только оставалось пожалеть, зачем он явился сюда.

Он понял, что это работа графа Савищева, почувствовал к нему еще большее омерзение, но не стал так или иначе рассеивать впечатление или объясняться. Ему было все равно.

Такое же отношение, как и в клубе, встретил Саша Николаич во всех других местах. В театре его не замечали, на улице отворачивались от него. Если и принимали где-нибудь, то очень сухо, а в большинстве случаев ему отвечали, что «дома нет». Даже в тех домах, где недавно еще за ним ухаживали, как за богатым женихом, теперь он находил двери запертыми.

Попробовал было Саша Николаич обратиться к лицам влиятельным, которые его знали и были к нему благосклонны, но и в них произошла перемена. Он объяснял им свое положение, они его молча выслушивали, качали головами и говорили, что ничего сделать не могут.

Саша Николаич был настолько наивен, что просил сам за себя, воображая, что этого достаточно, и не понимая, что в особенности в таком городе, как Петербург, для того чтобы получить что-нибудь, нужна прежде всего протекция, то есть чтобы просили другие.

У Саши Николаича кроме самого себя «других» не было никого.

Глава IV

Так или иначе, однако Саше Николаичу приходилось устраиваться.

Житейским опытом и практичностью он не отличался. Да и негде ему было приобрести их.

До сих пор он всегда жил на всем готовом, привык располагать деньгами и тратить их, и не у кого ему было поучиться, как жить дешево.

Оставшись без «средств», то есть без определенной полочки в будущем тысячи рублей в месяц, Саша Николаич поступил, может быть, даже слишком решительно, круто изменив свою жизнь. Он отпустил прислугу, которая служила у него по найму, продал свой особняк, обстановку, лошадей, даже лишнее платье, кольца, трости, булавки и запонки.

Вырученная сумма, если и не была чрезмерной, то, во всяком случае, позволяла жить без бед длительное время.

Решив расходовать как можно меньше, он пошел подыскивать себе комнату с мебелью и столовой (он слышал, что такие комнаты дешевле и что в них проще живется), не представляя себе, как он будет довольствоваться дальше таким помещением. Вероятно, это было основной ошибкой с его стороны.

Сумей он сохранить показную внешность — от него не отвернулись бы так скоро и помогли бы ему выбиться в люди. Но он не хотел этого.

Комнату он себе взял в сущности первую же попавшуюся.

Выйдя на поиски, он вскоре наткнулся на одноэтажный деревянный домик с пятью окнами на улицу и покосившимся крыльцом. На потускневшем от пыли и времени стекле крайнего окна был наклеен большой билет с четкой и вполне грамотной надписью: «Сдается роскошно меблированная комната». Саша Николаич направился к двери и вошел в сени.

В те патриархальные времена наружные двери затворялись только на ночь, а о звонках и помина не было.

Из сеней Николаев вошел в темную переднюю, довольно большую, но тем не менее тесную от наставленных в ней шкафов

и ящиков. Против входной была другая дверь в комнату, где виднелся край буфета и обеденный стол.

— Кто там? — спросили из этой комнаты, и сейчас же в двери появился лысый человек в халате и с трубкою.

Выражение его лица казалось не особенно добродушным и приветливым. Сморщенные, слезящиеся глаза неприязненно смотрели из-под клочков нависших бровей, углы губ были опущены вниз, щетинистый, колючий подбородок выдавался вперед, придавая лицу особенно неряшливый вид, который подчеркивали также и мятая рубашка, и обвисшие шаровары, казавшиеся не особенно чистыми.

Однако едва лишь только человек разглядел приличную одежду Николаева, как сейчас же выражение его лица изменилось и стало сладенько заискивающим.

— Что вам угодно? — пропел он, запахивая свой халат.

— У вас сдаётся комната?

— Ах, вы насчет комнаты? Очень приятно! Вы для себя желаете ее снять или для кого другого?

— Для себя.

— Очень приятно, очень приятно... Комната роскошная, со всеми удобствами. Вот пожалуйста сюда! Позвольте отрекомендоваться: титулярный советник Беспалов. А позвольте узнать, с кем имею честь?

Саша Николаич назвал себя.

— Очень приятно, — повторил Беспалов и отворил из передней дверь направо. — Вот это и есть комната, — пояснил он.

Комната была в одно окно, окрашена клеевой краской, с белым деревянным полом, хотя и вымытым, но все-таки не особенно чистым.

У окна помещался ясеневый изрезанный ножом стол. У одной стены стояли шкафы, у другой — кровать, отгороженная китайскими ширмами. Вся обещанная роскошь, по-видимому, и заключалась в этих ширмах, впрочем, сильно потертых, да еще, пожалуй, в кисейной занавеске на окне.

В качестве предмета роскоши и произведения искусства над диваном в деревянной рамке без стекла висела засиженная

мухами гравюра, изображавшая голую женщину, раскинувшуюся под ракитой вроде как бы на софе.

Пахло чем-то кислым и затхлым.

Саша Николаич огляделся. Все ему тут не понравилось, а в особенности гравюра.

— Роскошное помещение, — продолжал между тем титулярный советник, одной рукой прижимая полу халата к животу, а другой — махая трубкой в воздухе. — Обратите внимание на эти ширмы! Они мне достались по наследству от графини...

Он запнулся и не договорил, от какой именно графини.

— Вот гравюра-то уж очень... как будто... — проговорил Саша Николаич, не зная, что еще сказать.

— Она вам не нравится? — подхватил Беспалов. — Ее можно снять и заменить другою. Хотите фрукты или изображение букета цветов. У меня есть и то и другое.

Он подошел к дивану, протянул руку, взялся было за гравюру, но под нею оказалась такая залежь пыли и паутины, что он поскорее оставил ее.

— Вам как угодно комнату, — обратился он к Саше Николаичу строго, словно недовольный именно тем, что под гравюрой была пыль и паутина, — со столом или без него, то есть у нас будете столоваться или брать из трактира? Я должен вас предупредить, что я очень требователен на еду. Я требую, чтобы была закуска — горячая и холодная, затем что-нибудь тяжелое — цыплята в эстрагоне... Ну и пирожное, пломбир или мусс. Да вы, пожалуйста, идите в столовую к нам... там и разговаривать-то будет удобнее...

Беспалов сразу сообразил, что Саша Николаич будет для него выгодным жильцом, и потому не хотел упускать его.

А тот мялся, думая только об одном, как бы уйти от этого назойливого человека.

Но Беспалов оказался действительно настолько назойливым, что заставил-таки его снять плащ и войти в столовую.

Столовая, прокуренная и прокопченная длинная комната, служившая, очевидно, вместе с тем и гостиной, потому что по стене стояли диван и два кресла с покосившимися ножками,

была и кабинетом, потому что у окон помещался круглый стол с чернильницей, двумя книгами и номерами старых петербургских «Ведомостей».

У этого стола сидела молодая девушка в темном, скромном платье, наклонившись над шитьем.

Когда вошел Саша Николаич, она подняла голову. Этого было достаточно, чтобы сразу все переменялось, и Саша Николаич сейчас же решил — будь что будет, а комнату он оставит за собою.

Такой красоты он никогда не видал. Таких черных густых волос ни у кого не было; больших, задумчивых, бархатных, темных, как агат, глаз — тоже. Это была строгая, холодная красота с правильными чертами, поражающая с первого взгляда.

Беспалов шаркнул ножкой, хихикнул и, щуря глазки, проговорил Саше Николаичу:

— Это-с моя воспитанница Маня... Будьте знакомы...

Он уже подметил, какое впечатление произвела его воспитанница на молодого человека, и ясно было, что он именно рассчитывал на это впечатление, настаивая на том, чтобы Саша Николаич вошел в столовую.

Глава V

— А это — мой сын Виталий, — представил он сидевшего в углу длинного юношу, которого Саша Николаич не заметил при входе.

Юноша встал, вытянулся и поклонился, но не по направлению к гостю, а несколько в сторону.

— Он слепой, — пояснил Беспалов. — Садитесь, пожалуйста.

Саша Николаич сел, не заставляя себя просить вторично.

Ему, конечно, хотелось побыть в обществе замечательно красивой девушки, приглядеться к ней и проверить, действительно ли она так хороша, как кажется первого взгляда.

— Так сколько стоит комната за месяц? — спросил он, обращаясь к Беспалову.

— Вы хотите помесечно? — спросил тот, нахмутив брови и сделав серьезное лицо.

— Да мне все равно — тут срок не играет роли; угодно вам, так на год...

— На год? И со столом?

— Что ж, пусть будет со столом...

— Да, если со столом...

Беспалов предлагал эти вопросы, а сам обдумывал, сколько ему спросить с этого, по-видимому, совсем неопытного молодого человека.

Он уже видел, что обыкновенную цену возможно увеличить до необыкновенной, но прикидывал только размеры последней, чтобы вышло не слишком много и не слишком мало.

— Вот что я с вас возьму, — наконец решил он, — со столом и услугами, словом, на всем готовом сорок пять рублей в месяц...

Он выговорил это и остановился. Маня как будто вздрогнула и взглянула на Беспалова.

По тогдашнему времени эта цена была очень высокой. Самое большее, на что они могли рассчитывать, это двадцать рублей, которых и то было за глаза, а тут вдруг сразу — сорок пять.

Сам Беспалов словно смутился и, потупившись, умолк, стараясь поскорее придумать какой-нибудь почетный предлог для отступления.

Но Саша Николаич ничуть не был смущен. Привыкнув проживать тысячу рублей в месяц, он даже никак не ожидал, что можно устроиться на всем готовом всего за сорок пять... Для него это было приятное открытие. В порядочном ресторане пообедать вдвоем стоит почти столько же, а тут — и стол, и помещение.

— Я согласен, — заявил он, — комнату оставьте за мной. Угодно вам получить задаток?

Беспалов просиял.

— Позвольте, я сию минуту расписочку, — заторопился он. — Очень приятно... Какой угодно размер задатка?

Саша Николаич улыбнулся и ответил:

— Да все равно! Ну двадцать рублей. Довольно?

— Вполне! — подхватил Беспалов. — Очень приятно... На двадцать рублей...

Красавица Маня и по ближайшем, так сказать, рассмотрении, не только не потеряла, но, напротив, выигрывала. Чем больше всматривался в нее Саша Николаич, тем больше она ему нравилась. Всматривался он осторожно, уголком глаза и был уверен, что это никому не заметно.

Наняв не торгуясь комнату, он умышленно ограничился с Беспаловым деловым разговором, чтобы показать молодой девушке, что вовсе не желает навязывать ей свое знакомство.

Вручив задаток и получив расписку, Саша Николаич раскланялся, причем отвесил Мане самый изысканный поклон.

Она ему ответила простым и милым кивком головы, без всякого жеманства, так свободно, как могла это сделать только очень хорошо воспитанная девушка.

Вообще Саша Николаич должен был убедиться, что в Мане не было ничего мещанского, несмотря на всю мещанскую обстановку, окружавшую девушку.

Беспалов проводил Сашу Николаича до входной двери и даже голову высунул на улицу, а затем, вернувшись в столовую, широко расставил руки, притопнул и повернулся полным оборотом, распустив полы халата по воздуху.

— Какова штучка?! — произнес он, прищелкнув пальцами. — Вся жизнь можно сказать не везло и вдруг такой сюрприз! Теперь, — обернулся он к молодой девушке, — вам одно могу сказать, сударыня, не зевай!!

Маня взглянула на него, не подымая головы, и продолжала шить.

Беспалов снова расставил руки, но на этот раз не повернулся, а присел.

— Не желаете удостоить ответом? «И без тебя, мол, все знаю и понимаю!» Даром, что смиренный вид на себя напустили, будто шитью всецело преданы, а на самом деле все видели!

Маня наморщила брови, недовольным движением передвинула шитье на коленях и проговорила:

— Да будет вам!

— Нет-с, не будет! — подхватил Беспалов. — Сорок пять рублей в месяц, и это не торгуясь! А глазами-то, глазами-то так и косит на тебя! И я прямо говорю тебе, Маня, не зевай! Он человек, видимо, высшего круга — и манеры, и осанка, и прочее... Связи, видимо, в высших слоях... Карьера, не нам чета!.. Залетит высоко! А ты за него вовремя уцепись, чтобы он и тебя потянул, а упустишь время — потом не достанешь!

— Я одного не понимаю, — остановила его Маня, — зачем вы называли меня воспитанницей?

Беспалов повертел пальцами у себя передо лбом.

— Потому, сударыня, что у меня игра ума и сообразительность: скажи я ему, что вы — моя дочь, да, может, он бы и внимания на нас не обратил! Потому к вашей внешности такой отец, как я, вовсе не подходит! Ну а воспитанница на воображение действует! И сейчас же сочувствие... Бедная, дескать, девушка, вероятно, страдает, а, Бог ее знает, может она и графского происхождения!

— Да ведь все это неправда!

— А вы попробуйте, проживите правдой!.. Да уж будто вы и сами такая правдивая?!

— Неправда, которая может быть легко раскрыта! — договорила Маня.

— Ну улита едет, когда-то будет! — протянул Беспалов. — А пока что двадцать рублей задатка в наличии и сорок пять рублей ежемесячно в будущем! Я полагаю, что у него и теперь должны быть средства хорошие!

— Отчего это вы полагаете? — вдруг спросил слепой из своего угла. — По-моему, он нищий!

— То есть как это нищий? — рассердился Беспалов.

— Да кто же с хорошими средствами станет сорок пять рублей в месяц за комнату платить?.. Один мизер! — проговорил он тягуче глухим голосом и снова погрузился в свои думы.

Беспалов махнул на него рукой и стал выбивать трубку о подоконник.

Глава VI

У Агапита Абрамовича Крыжицкого, господина появившегося перед Сашей Николаичем в ресторане и оставившего свою карточку, на которую тот даже не обратил внимания, собрались гости. Их было шестеро; сам хозяин был седьмой.

Казалось, явились они в довольно скромную и в всяком случае обыкновенную квартиру Крыжицкого просто для того, чтобы провести свободное время без всякой определенной цели.

Между тем это только казалось.

Хотя ни комната, служившая, по-видимому, кабинетом — так как в ней был круглый письменный стол — ни обстановка не должны были соответствовать ничему таинственному или загадочному, но на самом деле у Крыжицкого собрание вышло не совсем заурядным.

Сначала он и его гости сидели и разговаривали о совершенно незначительных вещах, как могут разговаривать только хорошие приятели. Но это продолжалось до тех пор, пока к ним не присоединился восьмой, которого они, очевидно, ожидали.

Этот восьмой вошел, ответил общим поклоном на приветствие поднявшихся ему навстречу остальных и сел, не ожидая приглашения, у круглого стола, где были приготовлены бумага, чернила и очиненные перья. Он отодвинул бумагу, вынул из кармана белую кокарду и приколол ее к отвороту своего фрака.

Остальные семь сделали то же самое, только кокарды у них были иного цвета: красная, фиолетовая, синяя, голубая, зеленая, желтая, оранжевая.

У Крыжицкого была желтая.

Главным, как бы председателем, тут был не Крыжицкий, хотя собрались у него, а вот этот, с белой кокардой, пришедший позже всех.

И по росту, и по осанке он выделялся среди них: высокий, стройный, худой, он был уже не молод, насколько можно было судить по его длинным, закинутым назад вьющимся седым волосам. На его лице складками лежали морщины,

и только выпуклые черные глаза блестели особенно ярким, несвойственным старости блеском.

Остальные семь человек, нацепив кокарды, особенного подобиюстрастия перед председателем не выказали. Они остались в тех же совершенно непринужденных позах, в каких были раньше. Один даже совершенно развязно обернулся и спросил:

— Ну что, есть известия из Крыма?

Председатель отрицательно покачал головой и ответил:

— Никаких!

— Да что она там, забыла о нас, что ли?

— Экий ты... — стал возражать Крыжицкий, — разве близок свет Крым?! Пока оттуда придет что-нибудь!

— Ну а что этот молодой человек? — обратился к нему председатель.

— Николаев? — переспросил Крыжицкий.

— Да.

— Еще не являлся. Моей визитной карточки тогда, в ресторане, он так и не тронул на столе и даже не прочел моего адреса.

— Надо было все-таки дать ему знать; нельзя ни в коем случае упустить его!

— Я взял его на себя, — успокоил Крыжицкий, — так уж и сделаю все, что нужно. Надо дать ему время почувствовать свое новое положение.

— А где он теперь?

— Нанял комнату у одного чиновника и переехал туда.

— Ну так ты следи за ним, — сказал председатель и, сочтя разговор о молодом человеке законченным, достал из кармана довольно увесистый кошелек и сказал:

— Получена ассигновка из Франции!

Лица у присутствующих посветлели. Один Крыжицкий совершенно равнодушно глядел на то, как председатель раздвигал кольца кошелька и доставал оттуда золотые монеты, блестящие при свете яркой масляной лампы.

Председатель разложил монеты на семь равных стопок и показал на них: получайте, дескать.

Содержание

Темные силы. *Роман*

Глава I	7
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	25
Глава VII	28
Глава VIII	31
Глава IX	35
Глава X	38
Глава XI	42
Глава XII	45
Глава XIII	49
Глава XIV	52
Глава XV	55
Глава XVI	58
Глава XVII	60
Глава XVIII	63
Глава XIX	65
Глава XX	68
Глава XXI	71

Глава XXII	75
Глава XXIII	78
Глава XXIV	81
Глава XXV	86
Глава XXVI	91
Глава XXVII	94
Глава XXVIII	98
Глава XXIX	101
Глава XXX	103
Глава XXXI	107
Глава XXXII	110
Глава XXXIII	113
Глава XXXIV	117
Глава XXXV	120
Глава XXXVI	123
Глава XXXVII	128
Глава XXXVIII	133
Глава XXXIX	136
Глава XL	140
Глава XLI	144
Глава XLII	148
Глава XLIII	154
Глава XLIV	156
Глава XLV	159
Глава XLVI	163
Глава XLVII	166
Глава XLVIII	170
Глава XLIX	174
Глава L	177
Глава LI	181

Глава LII	188
Глава LIII	193
Глава LIV	198
Глава LV	201
Глава LVI	204
Глава LVII	208
Глава LVIII	211
Глава LIX	215
Глава LX	217
Глава LXI	221
Глава LXII	225
Глава LXIII	228
Глава LXIV	233
Глава LXV	237
Глава LXVI	240
Глава LXVII	244
Глава LXVIII	249
Глава LXIX	253

Жанна де Ламот. *Роман*

Глава I. Семь цветов радуги	259
Глава II. Желтый	262
Глава III. Аукцион	268
Глава IV. Орест Беспалов	272
Глава V. Рассказ Ореста	276
Глава VI. Тень прошлого	281
Глава VII. Месье Орест опять «нездоров»	286
Глава VIII. Одиночество	290
Глава IX. Наследник кардинала Аджиери	295

Глава X. Мнимая графиня Савищева	297
Глава XI. Мыза в Голландии	299
Глава XII. Дивная встреча	303
Глава XIII. Решение	305
Глава XIV. Тайна молитвенника	307
Глава XV. Заседание	311
Глава XVI. Новые приятели	315
Глава XVII. Старые знакомые	319
Глава XVIII. Те же и княгиня	323
Глава XIX. Белый	331
Глава XX. Глава, из которой ясно, что Борянский незнаком с химией	337
Глава XXI. Вор	344
Глава XXII. Расписка кардинала	351
Глава XXIII. Дело запутывается	354
Глава XXIV. Праздник у графа Прозоровского	358
Глава XXV. Княгиня Мария Сан-Мартино	364
Глава XXVI. Уголок Италии в Петербурге	367
Глава XXVII. Желтый сок травы	374
Глава XXVIII. Первое дело	378
Глава XXIX. Второе и третье дело	383
Глава XXX. Психология	386
Глава XXXI. Семейный совет	390
Глава XXXII. Все, что нужно было Жанне	394
Глава XXXIII. Забытый платок	398
Глава XXXIV. Медальон	403
Глава XXXV. Общественный маскарад	408
Глава XXXVI. Белое и черное домино	416
Глава XXXVII. Как жилось в богатом доме Дука	419
Глава XXXVIII. Отсрочка платежа	425

Глава XXXIX. Глава, в которой происходит то, что гораздо более важно, чем кажется сначала	430
Глава XL. В чем заключалась важность предыдущей главы	435
Глава XLI. Супружеская сцена	438
Глава XLII. Все дороги ведут в Рим	442
Глава XLIII. Тайный доброжелатель	446
Глава XLIV. Объяснение	451
Глава XLV. Три двери в гостиной	455
Глава XLVI. Он расскажет... ..	458
Глава XLVII. Нет, это правда	461
Глава XLVIII. Святая сумма	465
Глава XLXIX. Выгодный оборот	468
Глава L. Еще платок	471
Глава LI. Медальон графини Косунской	477
Глава LII. Мечь	481
Глава LIII. Последняя ставка	486
Глава LIV. Глава, пока еще не совсем понятная	491
Глава LV. Что значили слова Тиссонье?	495
Глава LVI. Седьмое мая 1801 года	498
Глава LVII. Итоги	502
Глава LVIII. Заключение	505